

контаминации. Этот способ словотворчества давно используется мастерами слова, но сферой его обитания была художественная литература и отчасти разговорная речь, в языке СМИ он появился относительно недавно, избрав местом своего функционирования так называемую сильную позицию — заголовок. Наибольшее количество контаминаций приходится на имя существительное, при этом наблюдается как структурное, так и тематическое разнообразие. Глаголы-контаминации в этом плане выглядят беднее, они более однотипны как структурно, так и тематически. Так, деятельность В.Газзаева вызвала к жизни следующую контаминацию: Коряка Андрей, *газзуй*, не робей (КП.10.09.02); Опять не *газзанули* (АиФ, 2003, №24). Жизнь голливудской звезды Брэда Питта нашла отражение в следующих контаминациях, различающихся по своему графическому облику: Билан *брэдит* (Жизнь. 14.09.05); Анистон больше не *БРЭДит* (Отдохни, 2005, №36).

И, наконец, целый контаминационный взрыв последовал после Каннского фестиваля: Чем заКАННчивается кино? (КП.21.05.05); КАННай отсюда, Голливуд (Экспресс газета, 2005, №20); ДоКАННа-ли... (Версия, 2006, №20). Добавим к этим примерам еще один, чтобы дополнить картину контаминационного взрыва: ЗаКАННОдатели стиля (КП.11.05.05).

Обобщая все сказанное, следует еще раз отметить ярко выраженный экспрессивный заряд, присущий отыменным глаголам в силу особой гибридной сущности их семантики — соединения в одно целое “имени и глагола силы” (М.В.Ломоносов).. Таким образом, в отыменных глаголах потенциально заложена возможность участия в языковой игре. Реализации этой возможности способствуют разнообразные игровые способы и приемы: контаминирование, игра с внутренней формой (псевдомотивация, псевдочленение), графическое выделение и т.д.

Р.А. Керимов

АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ МЕТАФОРИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кемеровский государственный университет

Политический дискурс как уникальный общественный феномен вызывает широкий интерес в современной науке не только у политологов, социологов, психологов, философов, но и у лингвистов. Тексты политических выступлений в культурно-историческом контексте

их функционирования предоставляют языковедам очень богатый и интересный материал для исследования различных языковых явлений, а палитра подобных исследований разнообразна и обширна.

Всё большее число исследователей в последнее время обращает свой взор на метафору – интересное, но до сих пор недостаточно изученное, и потому до сих пор загадочное явление, которое пронизывает все функциональные стили языка, всю систему любого языка полностью. Несмотря на более чем двух тысячелетнюю традицию изучения метафора до сих пор хранит в себе много тайн, и каждое новое поколение учёных открывает всё новые её грани.

В этой связи актуальным является рассмотрение функционирования в текстах немецких политических речей метафорических единиц с точки зрения их когнитивной природы. Современные немецкие политические речи, пропитанные острой и бескомпромиссной борьбой двух ведущих на данный момент политических сил Германии (ХДС/ХСС и СДПГ) обладают сильным образным потенциалом и характеризуются высокой степенью метафоричности.

Изучение метафоры в политической речи может осуществляться в рамках различных подходов, в том числе и когнитивного. Когнитивная семантика рассматривает метафору как средство упорядочивания знаний и опыта человека в его понятийной (ментальной) системе. Понятийная система при этом состоит из многих подсистем, каждая из которых представляет собой небольшой фрагмент знаний, отражающий некоторый фрагмент окружающей человека реальной и нереальной действительности. Именно из таких фрагментов и складывается целостная мозаика всего багажа знаний и опыта человека.

Основоположниками когнитивного подхода в изучении метафор принято считать американских учёных Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона. В своей знаменитой работе “Метафоры, которыми мы живём” [10] они озвучили идею о том, что практически вся система упорядочивания знаний, которая строится в человеческом мозге, метафорична по самой своей природе.

В таком понимании одно определённое понятие может быть описано понятийными (концептуальными) метафорами. Переносное значение слова при этом направлено на данное понятие, а прямое значение единицы, которая является метафорой, извлекается из другой сферы. При этом, чем больше разрыв между сферами, к которым относятся первичное и переносное значения лексической единицы, тем большей образной силой обладает метафора.

Когнитивный подход к изучению метафоры, функционирующей в политическом тексте, активно применяется современными исследователями, среди которых можно выделить работы А.П. Чудинова [8; 9], выполненных на материале российского политдискурса;

А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1; 2], создавших первый словарь русских политических метафор; И.М. Кобозевой [3; 4], Е.С. Кубряковой [5], В.А. Масловой [6], Т.Г. Скребцовой [7] и др., которые разрабатывают теоретические и практические основы когнитивной семантики.

Когнитивное исследование концептуальных метафор осуществляется на основе анализа понятийных сфер (областей, зон), к которым относится прямое и переносное значение слова. То есть рассматриваются сначала по отдельности исходная сфера (сфера-источник, донорская зона), из которой изымается лексема, и конечная сфера (сфера-мишень, реципиентная зона), куда попадает лексема в переносном, метафорическом смысле.

Пример: (1) Wenn es richtig ist, dass Westeuropa seit 1945 zu einer Insel des Friedens, der Freiheit und des Wohlstandes geworden ist, so ist es auch seine Pflicht, anderen dabei zu helfen, daß sie in den Genuss vergleichbarer Entwicklung gelangen [Herzog 1997: 18]. ‘если это правильно, что Западная Европа с 1945 стала островом мира, свободы и благополучия, то это является также обязанностью Европы, помочь другим достигнуть такого же уровня’.

В данном случае (1) реализуется метафора “Западная Европа – это остров”. Слово “остров” в прямом значении относится к понятийной сфере “Природа”, субсфере “Природные объекты”. В переносном значении она характеризует географическое имя собственное “Западная Европа”, хотя имеется в виду не просто географическое пространство в западной части европейского континента, а, прежде всего, политическая, экономическая и отчасти военная общность европейских стран, входящих в Европейский Союз.

В процессе анализа всего комплекса образных метафор, составившего около 4000 примеров метафорического употребления компонентов сложных слов, слов, словосочетаний и предложений, были выделены 4 обширные сферы-источника прямого значения лексических единиц, которые в контексте в переносном значении становятся метафорами.

Это следующие фундаментальные понятийные сферы, охватывающие практически все стороны реальной действительности, в которой живёт человек и которую он описывает с помощью своего языка: “Физиология человека”, “Социальная среда (социум)”, “Артефакты” и “Природная среда”. Каждая сфера охватывает большой фрагмент ареала существования человека и живой и неживой природы, и поэтому для более детального изучения каждая сфера разбивается на несколько субсфер:

1. Сфера “Физиология человека” характеризует непосредственно человека как существо биологическое, что находит свое выражение в субсферах “Строение человеческого тела”, которое подвержено раз-

личным состояниям, отличным от состояния нормы – болезням, что находит своё выражение в субсфере “Медицина”, а также включает в себя характеристики ближайшего окружения человека – семьи и родственников – и сферу его интимных отношений, которые включаются в субсферу “Семья”.

Пример: (2) Wenn in Tokio oder Kuala Lumpur die Börse hustet, dann fröstelt es nicht nur die Banken in der übrigen Welt [Rau 2001: 204]. ‘Если в Токио или Куала-Лумпуре чихает биржа, то тогда во всём остальном мире пробивает озноб не только банки’.

2. Сфера “Социальная среда” являетсяместилищем наименований явлений политической, экономической, спортивной, военной, асоциальной сторон жизни общества и наименования социальных государственных и неправительственных институтов.

В данной сфере в различных видах общественно-полезной или вредной деятельности человек выступает как существо общественное, которое может реализовать свои творческие потенциалы (позитивные или негативные) только в обществе. Здесь акцентируется внимание на социальных отношениях между людьми, между группами, классами, общностями и даже между целыми государствами.

Реализацией “Социальной среды” являются соответственно субсферы “Культура и искусство”, “Экономика”, “Война”, “Криминал”, “Спорт и туризм”, “Религия”, “Магия и волшебство”.

Пример: (3) Unsere Position auf den Weltmärkten als Export-Vizeweltmeister, das Qualifikationsniveau unserer Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer ... sind Stärken, die wir weiter entwickeln müssen [Schröder 2002: 12-13]. ‘Наша позиция на мировых рынках вице-чемпиона мира по экспорту, уровень квалификации наших рабочих ... – это наши сильные стороны, которые мы должны развивать дальше’.

3. Сфера “Техногенная среда” содержит в себе наименования технических объектов, механизмов, машин, созданных человеком, которые не существовали в природе до того, как их придумал и создал человек. Данные объекты были сконструированы для облегчения труда человека, для создания других механизмов, для передвижения в пространстве и защиты среды своего обитания от негативных воздействий внешней среды (природы и других людей). К этой сфере относятся субсферы “Архитектура”, “Транспорт” и “Механизмы”.

4. Сфера “Природа” в отличие от первых трёх сфер не описывает человека ни как биологическое, ни как социальное, ни как технологическое существо. Она включает в область своих интересов наименования живших когда-то или живущих сейчас на нашей планете живых организмов, исключая человека, и объекты природного ландшафта, не созданные человеком и не являющиеся плодом его труда. В связи с этим выделяются субсферы: “Флора” (“Растения”) и “Фа-

уна” (“Животные”), куда входят наименования живых организмов и растений, а также субсферы “Климат” и “Природные объекты” (“Ландшафт”), включающие наименования погодных явлений, объектов ландшафта и прочих неодушевлённых природных объектов.

Несмотря на то, что природная среда рассматривается в отрыве от влияния на неё человека, она всё же испытывает на себе его непосредственное воздействие, так как в своём сознании и языке человек упорядочивает природные объекты, исходя из своего опыта и своих знаний. Человек познаёт природу и описывает её своим метаязыком, исходя из своих потребностей, особенностей своего мышления и границ своих познавательных возможностей (которые устанавливаются уровнем развития науки и техники и уровнем развития психических процессов человека). При этом человек, конечно же, не учитывает особенностей природных объектов как ценных самих по себе и самих в себе.

В отличие от исходных сфер-источников лексических единиц сферы-мишени для метафорических наименований представлены ограниченным числом, которые по аналогии с классификацией исходных сфер соотносятся с одной единственной сферой, а именно со сферой “Социальная среда”.

И это неудивительно, так как предмет, на который направлены тексты политических выступлений — это сфера политических отношений, то есть сфера социально-общественных отношений, куда входят и собственно политика, и экономика, и военное дело, и религия, и культура и искусство, и образование, и СМИ. В связи с этим выделяются сферы “Политика”, “Экономика”, “Образование”, “Культура и искусство” и “СМИ”.

Следует предположить, что если сферами-мишенями для метафорических выражений в современной немецкой политической речи является такое ограниченное число сфер, то в последнее время в Германии (и шире: в ЕС) самыми “горячими” в “политических баталиях” являются темы, связанные именно с этими сферами жизнедеятельности немецкого (шире: европейского в рамках ЕС) общества.

Пример: (4) Investitionen und Ausgaben für den Konsum sind drastisch zurückgegangen, übrigens nicht zuletzt, seit an den Börsen allein in Deutschland während der vergangenen drei Jahre rund 700 Milliarden Euro buchstäblich vernichtet worden sind [Schrüder 2003: 7]. ‘Инвестиции и выплаты на потребление катастрофически сократились, не в последнюю очередь после того, как на биржах только в Германии в течение прошедших трёх лет было буквально уничтожено 700 миллиардов евро’.

Интересен также тот факт, что если сопоставлять сферы-источники и сферы-мишени, то окажется, что есть две сферы-мишени, которые не имеют аналогов в сферах-источниках. Это сферы “Образова-

ние” и “СМИ”, которые не готовят лексемы для метафорического переосмысления, а только принимают уже готовые метафоры.

Рассматривая непосредственное соотношение сфер-источников, из которых извлекается лексическая единица в прямом значении, и сфер-мишеней, в которые происходит метафорический перенос наименования, можно построить типовые модели, которые отражают наиболее и наименее частотные пути для образования метафорических выражений.

Так, сфера политики может быть описана посредством следующих метафор: “Политика – это война”, “Политика – это экономика”, “Политика – это театр”, “Политика – это семья”, “Политика – это транспорт” и др.

В следующем случае, например, процесс политического объединения двух Германий представляется в образе транспорта (“движущегося поезда”): (5) *Der gesamtdeutsche Zug fährt und wir müssen jetzt aufpassen, dass niemand unter die Räder kommt* [Rau 2000: 189]. ‘Поезд единой Германии уже едет, и мы должны обратить внимание на то, чтобы никто не попал под его колёса’.

В целом преобладание тех или иных моделей метафор позволяет судить о той или иной сфере в свете позитивного или негативного восприятия тенденций её развития немецкими политиками и всем немецким обществом.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М., 1991.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
4. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. – Серия “Филология”. – 2001. – № 6. – С. 132-149.
5. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия РАН. – Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 5-6.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М. 2004.
7. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.
9. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago, London, 1980.

Источники примеров

1. Herzog R. Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. – 1997. – Nr. 3. – 42 S.

2. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2000. – Bd. 1.1
3. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2001. – Bd. 2.2
4. Schröder G. Gerechtigkeit im Zeitalter der Globalisierung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 29. Oktober 2002). – Berlin, 2002.
5. Schröder G. Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). – Berlin, 2003.

А.В. Кузнецова

КОНСТРУКЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПРОПОЗИЦИИ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из способов освоения семантического пространства языка в грамматике можно назвать все более развивающееся в последние годы учение о пропозиции. Как правило, вслед за Н. Д. Арутюновой, данный термин определяют как некий смысл (ситуацию или событие), рассмотренный в отвлечении от его формальной реализации [1, 401]. Пропозиция – это то общее, что существует между предложением и его возможными перефразировками в пределах данного языка, а также его переводами на другие языки [5, 686]. Синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиций.

Однако пропозиции – это не только сами ситуации или события (диктумные пропозиции), но и взаимоотношения, логические связи между этими ситуациями (пропозиции логические). Данный грамматический термин стал особенно часто употребляться, когда начали активно изучать семантически сложные или осложненные структуры. В ситуации “1 событие = 1 предложение” не было нужды обращаться к термину “пропозиция”. Монопредикативность никого не озадачивает и не представляет собой какой-либо трудности в ситуации межкультурной коммуникации. Когда же в полипредикативных синтаксических структурах с повышенной информативностью, кроме эксплицитного предиката, стали видеть еще предикаты имплицитные, интерес к пропозиции не только усилился, но и перешел на более высокий уровень – уровень пропозициональных отношений. Можно привести понимание пропозиции, представленное в работах Т.В. Шмелевой: это “слой осмысления отношений” [6, 24] или В.П. Казакова: “Что же касается мыслительной деятельности человека, устанавливающего различного рода отношения между ситуация-